

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

ДОМИК

«Public Domain»

1929

Куприн А. И.

Домик / А. И. Куприн — «Public Domain», 1929

«Петербург. По главной аллее Летнего сада идут три человека. Один из них – актер, Илья Уралов, новый любимец взыскательной александрийской публики. Все у него преувеличенно большое: и могучее рослое тело, и рыжее крупное лицо с солидной бородавкой, и голос, и имя, и английское широченное пальто балахоном, и мягкая ковбойская шляпа, и даже карманные часы величиною с кухонный будильник...»

Александр Иванович Куприн

Домик

Петербург. По главной аллее Летнего сада идут три человека. Один из них – актер, Илья Уралов, новый любимец взыскательной александрийской публики. Все у него преувеличенно большое: и могучее рослое тело, и рыжее крупное лицо с солидной бородавкой, и голос, и имя, и английское широченное пальто балахоном, и мягкая ковбойская шляпа, и даже карманные часы величиною с кухонный будильник. Рядом с ним, едва достигая головой его плеч, мелкими, торопливыми шажками семенит милейший, добродушнейший Яшенька Эпштейн. Весь артистический мир Петербурга знает и любит «нашего Яшу». Писатели, актеры, певцы, художники, музыканты – все они постоянные гости, а порою и временные жильцы в широко открытом Яшином доме.

Празднует Яша одинаково усердно и православные и еврейские праздники. Впрочем, иногда он не празднует ни тех, ни других. Это бывает в несчастливые дни, в *невезеньевы* полосы, когда в купеческом клубе понтеры бьют у него банк за банком, ибо главная специальность Яши – «макао», а то, что он талантливый инженер-химик – это маленькая побочная профессия...

В доме у него всегда просто, светло, весело и как-то радостно. Здесь поют, импровизируют, декламируют. Здесь рождаются бесшабашные анекдоты, ставятся экспромтом одноактные оперетки и пародии на новые театральные пьесы, рассказываются старинные театральные предания и с любовью воскрешаются забытые старые песни и наивные романсы... Здесь каждый гость хозяин; ему все позволено. Одного только не терпит Яша: это когда кто-нибудь дурно говорит об отсутствующем товарище по профессии. Но милый лик Яши заставил меня немного уклониться. Сзади Ильи Уралова лениво идет третий компаньон, очень смиренный человек, – это ваш покорнейший слуга, пишущий настоящие строки.

Вчера была еврейская пасха, и Яша пригласил нас по этому случаю в еврейскую кухмистерскую, что на углу Невского и Фонтанки, и там угощал нас замечательным обедом, состоявшим из фаршированной щуки (рыба фиш) и курицы по-еврейски, – обедом, орошенным семидесятиградусной пейзаховой водкой и сладким палестинским вином.

Но не в этих кулинарных прелестях заключался главный смысл обеда, а в том, что Яша познакомил нас с великим еврейским писателем и бесподобным юмористом Шолом-Алейхемом. Этот морщинистый маленький старик с острым и добродушно-лукавым взглядом сквозь роговые очки охотно прочитал нам несколько своих коротеньких рассказов. Он читал на жаргоне, но, обладая самым ничтожным запасом немецкого языка, его легко было понимать, так выразительно выговаривал он каждое слово и так ясны и богаты были его интонации.

А кроме того, все, что читал Шолом-Алейхем, тотчас же невольно, как живая иллюстрация, отражалось на подвижном лице Уралова, который родился и прожил всю молодость в черте и отлично знал жаргон. Ах, это было двойное наслаждение – слушать одного и смотреть на другого. У Яши все лицо сияло от удовольствия... А на другой день, то есть сегодня, все мы трое званы были к пасхальному русскому столу у пламенного Павлуши Самойлова и оттуда ушли лишь после того, как раздели хозяина и бережно уложили его на диван. Тогда и мы сами почувствовали потребность в прогулке по свежему воздуху.

Столетние липы Летнего сада еще были голы, но на их тонких ветках уже краснели пупырышки тугих почек. Весенний воздух дрожал и щекотал лицо. Мраморные богини, нимфы и музы только что освободились от своих зимних дощатых покрывал, и мне казалось, что их белым нагим телам хочется потянуться в сладкой весенней истоме. По дорожкам ходили женщины, такие прекрасные, какие бывают только в Петербурге весной...

Яша вдруг воскликнул:

– Укротись, Илья, сделай милость. Ты бежишь, как слон, и я устал тебя догонять. Мы остановились.

– Вот что я вам хотел, господа, сказать, – продолжал Яша. – В сущности же это – свинство. Ну да, кто же из нас не назначал свиданий на скамейках Летнего сада. И все мы отлично знаем, что в Летний сад водил гулять юного Женю Онегина его гувернер – monsieur l'abbé и что Пушкин называл Летний сад своим огородом. Но признайтесь, друзья мои, были ли вы когда-нибудь в доме Петра Великого?

Мы переглянулись и все трое сознались конфузливо, что нет, не были.

– Так пойдемте.

Посетителей, кроме нас, не было. В сенях нас встретил древний старик в старинном мундире. Ростом он был с Уралова, несмотря на то что время слегка согнуло его спину. Лицо его было обрито, а толстые и крутые, как у моржа, бело-зеленые усы покрывали всю его верхнюю челюсть. Вид у него был суровый, даже строгий. Он повесил наши пальто на колышки и сунул каждому из нас по номерочку. Говоря с нами, он поминутно делал паузы и, должно быть от астмы, громко отпыхивался; так: паф-паф-паф.

– Пожалуйте за мною, – сказал он и пошел по лестнице.

Яша ликовал. Потирая быстро и крепко свои маленькие ручки, он сказал восторженно:

– Так вот это, значит, и есть домик Петра Великого? (Справедливость требует сказать, что Яша произнес не «домик», а нежно «доми́к», с мягким знаком на конце.)

Старик вдруг остановился и с негодованием обернулся на Яшу.

– Домик? – переспросил он с густым презрением. – Домик? Паф-паф-паф. Не домик, а дворец его императорского величества, государя Петра Алексеевича. Паф-паф.

И он, ехидно передразнивая Яшу, еще раз повторил блеющим голосом:

– До-о-о-о-оми́к. Паф!

Яша был уничтожен. Тщетно он бормотал извинения. Он-де отлично знает, что домик – это на Петербургской стороне, под стеклом, он только случайно сбился, ошибся, сбился. Старый солдат не удостоил его даже взглядом.

И странно: в эту минуту мне вдруг показалось, что ветхий сторож служил солдатом еще при самом Великом Петре, разделяя с ним военные тяготы под Нарвой, Полтавой и Азовом, и показалось также, что в покоях вдруг запахло крепким табаком, ямайским ромом и острым потом огромного плотника.

Старик вел нас дальше, тяжело ступая по дубовым доскам, натертым, как паркет. Яша не удержался и во второй комнате.

– Что за прелестный ковер! – сказал он, указывая на стену. – Изумительно!

– Ковер? – снова огрызнулся старик. – Это ковер? Паф-паф. Это не ковер, а гобелен французской королевской мануфактуры. Подарок герцогини Беррийской во время посещения Парижа государем Петром Алексеевичем... Паф-паф-паф. Дооооми́к.

Тут Яшенька уже совсем замолк. В картинной галерее он попробовал было сказать на ухо Уралову: «Какой великолепный Рембрандт!», и слава богу, что не сказал громко, а то бы задал ему перцу старый воин. Картина оказалась кисти Тинторетто. Наконец сподвижник Петра привел нас в столовую.

– Обратите внимание, – торжественно заговорил он. – Стол из простого соснового дерева. Деревянные чашки и ложки... Паф-паф... А здесь, извольте поглядеть, малое окошечко прямо в кухню. Император любил, чтобы все подавалось самое горячее. Другие, паф-паф, не выдерживали, не терпели, обжигались...

– Да, – продолжал он с глубоким пафосом. – Было время, и были люди. Ведь государыня-то, Катерина Алексеевна, сама, собственными ручками, изволила императору обед стряпать... А нынешние!.. Разве они могут? Разве понимают? Паф-паф. Дооооми́к.

Мы спускаемся в сени. Петровский солдат помогает одеться мне и Уралову. Мы даем ему по полтиннику. Яша дает дрожащей рукой синюю пятирублевку. Но старик не притрагивается к его пальто. Он равнодушно опускает бумажку в карман и произносит:

– Паф-паф. Дооомикъ.